

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.11>

Смыслова Ольга Николаевна

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ЕВГЕНИЯ БАЗАРОВА В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ" И "БЕСЫ"

В статье рассматривается проблема рецепции образа Евгения Базарова в романах Ф. М. Достоевского "Идиот" и "Бесы". В письмах, заметках, "Дневнике писателя" и художественных произведениях Достоевского неоднократно можно встретить отсылки к роману Тургенева и упоминания Евгения Базарова, сопоставление образа которого с Раскольниковым не раз становилось объектом изучения достоевсковедов. Однако нет отдельных работ о прямом влиянии тургеневского героя на создание трагической фигуры Ипполита Терентьева в романе "Идиот" и функциях литературного образа нигилиста шестидесятых годов в романе "Бесы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 52-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 10.09.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.11>

В статье рассматривается проблема рецепции образа Евгения Базарова в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Бесы». В письмах, заметках, «Дневнике писателя» и художественных произведениях Достоевского неоднократно можно встретить отсылки к роману Тургенева и упоминания Евгения Базарова, сопоставление образа которого с Раскольниковым не раз становилось объектом изучения достоевсковедов. Однако нет отдельных работ о прямом влиянии тургеневского героя на создание трагической фигуры Ипполита Терентьева в романе «Идиот» и функциях литературного образа нигилиста шестидесятых годов в романе «Бесы».

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; И. С. Тургенев; «Идиот»; «Бесы»; «Отцы и дети»; рецепция; Ипполит Терентьев; нигилист; Евгений Базаров.

Смыслова Ольга Николаевна, к. филол. н.

Московский педагогический государственный университет

osmisl@rambler.ru

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ЕВГЕНИЯ БАЗАРОВА В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» И «БЕСЫ»

Проблема взаимоотношений Достоевского и Тургенева давно обозначена в литературоведении, но работ, специально посвященных ей, не так уж много. В большинстве исследований рассматривается биографический аспект или же дается анализ литературно-критических высказываний Достоевского о творчестве Тургенева, а также частные наблюдения и размышления о близости – противоположности психологизма и художественных миров писателей. В обстоятельном труде Н. Ф. Будановой «Достоевский и Тургенев: творческий диалог» [2] скрупулезно изучена история вопроса и исчерпывающе представлена библиография работ, в которых эта проблема рассматривалась, поэтому позволим отдельно не останавливаться на этом. В 2000-е годы появился целый ряд статей, посвященных сравнительному анализу отдельных произведений писателей. Это работы Г. Б. Курляндской [16], С. А. Кибальника [12; 13], Т. Б. Трофимовой [21; 22], Е. М. Коньшева [14; 15], Л. Н. Сарбаш [18; 19]. Несомненно, в центре внимания ученых часто оказывался и оказывается вопрос о влиянии главного героя «Отцов и детей» на образы нигилистов в романах Достоевского. Эта традиция была заложена в работах К. И. Тюнькина [26] и А. И. Батюто [1] и развита в монографии Н. Ф. Будановой [2], упоминаемой выше. В этих уже классических трудах отправной точкой рассуждений о специфике восприятия Достоевским романа Тургенева неизменно становились характеристика Базарова как «беспокойного и тоскующего (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» [3, с. 59], и письмо Достоевского, в котором роман «Отцы и дети» получил признание. Письмо не сохранилось, поэтому судить можно лишь по ответному посланию Тургенева: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумленья – и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не считал нужным вымолвить» [23, с. 37]. В письме А. Н. Майкову того же дня, письмах К. К. Случевского («особенно гиперболически хвалит Достоевский» [Там же, с. 43]), А. А. Фету [Там же, с. 42], П. В. Анненкову [Там же, с. 44] и другим корреспондентам вновь и вновь Тургенев пишет о высокой оценке Достоевского только что опубликованного романа, которая оказывается для него особо значимой в ситуации ожесточенной полемики вокруг «Отцов и детей».

Общим местом этих исследований и последующих является указание на типологическое родство Базарова и Раскольникова и влияние тургеневского прогрессиста на создание образа Петра Верховенского. Также Л. Н. Сарбаш отметила общее в рассуждениях Ипполита Терентьева и Базарова о «собственном ничтожестве» и «ничтожной жизни» [19, с. 162]. Но этим замечанием исчерпываются наблюдения Л. Н. Сарбаш о близости взглядов героев, тогда как в тексте «Идиота» можно обнаружить значительно больше параллелей между созданными Тургеневым и Достоевским образами, что позволяет говорить о сложной рецепции образа Базарова в образе Ипполита Терентьева. Эта проблема еще не была поставлена в достоевистике, как и не был решен вопрос о роли тургеневских реминисценций и аллюзий в романе «Бесы», что обуславливает **актуальность** исследования. **Научная новизна** статьи состоит в том, что впервые не просто указывается типологическая близость Базарова и Терентьева, но и в ходе сравнительного анализа высказываний героев и оценки их другими персонажами утверждается, что Базарова можно считать своеобразным скрытым литературным прототипом Ипполита Терентьева. Также впервые обстоятельно рассматриваются функции цитирования и припоминания персонажами «Бесов» тургеневского романа и центрального героя. **Целью** исследования является анализ художественного восприятия и преломления образа Евгения Базарова в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Бесы», что определяет **задачи**: обнаружить в тексте романа «Идиот» все возможные реминисценции из «Отцов и детей», случаи скрытого цитирования Ипполитом Терентьевым своего литературного предшественника Евгения Базарова; выявить и проанализировать аллюзии на роман Тургенева в «Бесах» и определить их функциональную роль в создании образов «отцов» (либералов 1840-х годов) и «детей» (нигилистов новой формации); определить специфику рецепции образа Базарова в романах «Идиот» и «Бесы».

Роман Тургенева был для Достоевского одним из самых значимых произведений эпохи. Неслучайно Достоевский мечтал написать свои «Отцы и дети», о чем признавался в «Дневнике писателя» (1876): «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении» [9, с. 7]. Подтверждение попыток создания подобного романа есть и в рабочих тетрадах за 1876 год.

В сюжетной линии Ипполита Терентьева тургеневский текст играет колоссальную роль, хотя, пожалуй, только в речи Лебедева о нигилистах нового толка присутствует намек на роман «Отцы и дети». Лебедев восклицает: «Нигилисты все-таки иногда народ сведущий, даже ученый, а эти – дальше пошли-с, потому что прежде всего деловые-с. Это, собственно, некоторое последствие нигилизма, но не прямым путем, а понаслышке и косвенно, и не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идет, и не насчет, например, необходимости распада на части России; нет-с, а теперь уж считается прямо за право, что если очень чего-нибудь захочется, то уж ни пред какими преградами не останавливаться, хотя бы пришлось укокошить при этом восемь персон» [4, с. 213-214]. В комментариях к полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах указывается, что писатель в этих словах имеет в виду литературную критику Д. И. Писарева и В. А. Зайцева [5, с. 443]. Однако здесь можно говорить и о намеке на идеи Базарова, убеждавшего, что Николаю Петровичу не следует читать Пушкина, поскольку «пора бросить эту ерунду» и перестать быть «романтиком в нынешнее время» [24, с. 45]. В тираде Лебедева очень важно разграничение нигилистов базаровского типа и новых, «деловых-с», о которых будут написаны «Бесы».

Достоевский, создавая трагический образ умирающего атеиста, произвольно или непроизвольно вспоминает тургеневского героя и обращается к нему. Ипполит очень часто будто цитирует своего литературного предшественника. Так, при последней встрече с Анной Сергеевной Одинцовой Базаров восклицает: «И теперь вот вы стоите, такая красивая...» [Там же, с. 182]. Ипполит, восхищенный красотой Аглаи, признается: «Дайте мне хоть на красавицу-то в последний раз в жизни посмотреть» [4, с. 239]. Возможно, это случайное совпадение, но в дальнейшем в своих монологах и «необходимом объяснении» Ипполит прямо заимствует базаровские высказывания. Базаров: «И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! Задача есть, ведь я гигант!» [24, с. 183]. Ипполит: «Я хотел быть деятелем, я имел право... О, как я много хотел!» И далее Ипполит произносит: «Стало быть, не нужен, стало быть, дурак, стало быть, пора!» [4, с. 247]. Эти слова перекликаются с базаровскими: «Я нужен России... Нет, видно не нужен» [24, с. 183].

Достоевский также использует базаровское сравнение себя с червяком. «Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а еще топорщится» [Там же], – говорит Базаров Одинцовой. А генерал Иволгин, возмущенный поведением и словами Ипполита, бросает ему: «Ты только завистливый червь, перерванный надвое, с кашлем... и умирающий от злобы и неверия...» [4, с. 395]. Поразительное совпадение, которое не может быть случайным, поскольку и сами рассуждения героя Достоевского о месте человека в мироздании, о его малости и чуждости миру весьма похожи на базаровские размышления о ничтожности человека в сравнении с вечностью и вселенной (эпизод разговора героя с Аркадием под стогом [24, с. 119]). Эти философские признания Евгения Базарова созвучны размышлениям Ипполита о том, что он «одни выкидыш», которому нет места в мире вечной природы, которая приговорила его к смерти и «очень насмешлива» [4, с. 247]. Базаров, сознающий свою скорую кончину, делает трагическое для себя открытие: «Сила-то, сила, – промолвил он, – вся еще тут, а надо умирать! <...> Старик, тот по крайней мере успел отвыкнуть от жизни, а я... Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!» [24, с. 178]. Горький, но мудрый упрек «равнодушной» природе Базарова, конечно, отличается от бунта Ипполита, но следует учитывать, что для Достоевского Базаров был прежде всего «беспокойным и тоскующим» героем, которого в хорошо известной Достоевскому статье о романе «Отцы и дети» Н. Н. Страхов нарек «титаном, восставшим против своей матери-земли» [20, с. 253]. К слову, Достоевский восхищался этой статьей и уже в 1870 году писал самому Страхову: «...статья о Тургеневе прекрасная и ясная статья» [8, с. 109]. Примечательно и то, что Тургенев, когда уже получил письмо Достоевского с высокой оценкой романа и даже поблагодарил за нее, прочитал статью Страхова, напечатанную в апрельском номере журнала «Время» (в воспоминаниях Страхова есть подробное описание встречи Тургенева с ним и братьями Достоевскими и обсуждения этой статьи), и дал в письме Случевскому следующую характеристику Базарову: «Мне мерещилась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная – и все-таки обреченная на погибель – потому, что она все-таки еще стоит в преддверии будущего» [23, с. 59]. Таким образом, можно увидеть, что Тургенев, Страхов и Достоевский сходятся в определении сущности Евгения Базарова. Но возникает очень интересный и не имеющий ответа вопрос о том, изначально ли у Тургенева была заложена идея изобразить героя, «выросшего из почвы», или же это чисто почвенническое определение позаимствовано им из утерянного письма Достоевского и статьи Страхова? И столь же интересен вопрос о взаимовлиянии Достоевского и Страхова на понимание сути тургеневского героя. Несомненно, эти проблемы требуют дополнительных научных разысканий.

Но вернемся к сравнительному анализу Ипполита Терентьева и Евгения Базарова. Обоих героев сближают «самолюбие противное» [24, с. 45] и «гордость сатанинская» [Там же, с. 52] – характеристики, данные Базарову Павлом Петровичем, которого Базаров называет «кидином» [Там же, с. 122] и который бы наверняка согласился со словами Гани о герое Достоевского – «разлившаяся желчь... на двух ногах» [4, с. 397]. Если говорить об отношении героев с окружающими их людьми, то у каждого из них до определенного момента есть верные ученики – Аркадий и Коля Иволгин, которые постепенно отдаляются от своих идейных

кумиров. Есть у героев и подражатели или сниженные двойники в лице комического Ситникова и в образе жалкого Антипа Бурдовского или нелепого и злобного Докторенко. Однако оба героя осознают свое абсолютное одиночество, хотя и высокомерно полагают, что хорошо знают народ. Базаров не раз тщеславно утверждает это. Как пишет Тургенев, «с надменной гордостью» Базаров заявляет, что его «дед землю пахал» и что его мужик понимает и принимает за своего, хотя сам он русский народ презирает [24, с. 50]. Но Тургенев иронически заверяет: «Увы! Презрительно пожавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового» [Там же, с. 173]. Вряд ли народ всерьез мог бы пойти и за Ипполитом, которого Евгений Павлович Радомский спрашивает: «Правду ли я слышал, что вы того мнения, что стоит вам только четверть часа в окошко с народом поговорить, и он тотчас же с вами во всем согласится и тотчас же за вами пойдет?». На это Терентьев с достойной Базарова самоуверенностью отвечает: «Непременно говорил!» [4, с. 244-245]. А далее Радомский, аристократизмом и утонченностью напоминающий Павла Петровича, вступает в дискуссию с разночинцем-нигилистом Терентьевым по поводу прудоновской «теории восторжествования права», которая может, по мнению Евгения Павловича, «прямо перескочить на право силы» [Там же, с. 245]. Ипполит не отвечает на вопросы Радомского. Уходит от ответа и Базаров, когда на вопрос Павла Петровича о том, что «но как же это ломать, не зная даже почему», Аркадий с молодой заносчивостью отвечает: «Мы ломаем, потому что мы сила». «Аристократишко» Павел Петрович возмущен такой «пошлою сентенцией»: «Сила! Да вспомните, наконец, господа сильные, что вас всего четыре человека с половиною» [24, с. 51-52]. Ср.: Шатов в «Бесах» говорит Ставрогину о Петруше и его тайном обществе, состоящем из «трех с половиной человек» [6, с. 193].

На горькие слова Павла Петровича о «господах сильных» Базаров отвечает: «Нас не так уж мало, как вы полагаете» [24, с. 52]. Эта фраза отсылает к роману «Бесы», в котором характер рецепции тургеневского текста и аллюзий на него совершенно иной. Если в «Идиоте» Достоевский нигде даже не проговаривается о базаровском начале в образе Ипполита Терентьева, а осознанно или бессознательно позволяет своему герою мыслить, рассуждать и даже иногда чувствовать, как Базаров, то в «Бесах» Базаров напрямую называется Степаном Трофимовичем одним из генетических близнецов Петруши Верховенского.

Степан Трофимович нарекает Базарова «какой-то неясной смесью Ноздрева с Байроном» и утверждает, что главный герой тургеневского романа является «фиктивным лицом» [6, с. 171], невозможным в действительной жизни. Большинство исследователей, обращающихся к проблеме отношения Достоевского к тургеневскому нигилисту, сходятся во мнении, что от положительной и высокой оценки героя в начале 60-х годов Достоевский приходит к негативной трактовке персонажа. Начиная с «Бесов», для него становится важнее не трагическая сущность личности Базарова, а ее отрицательные и пошлые стороны, которые олицетворяет собой «базаровщина». Так, Е. Н. Дрыжакова в статье «Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов» в результате тщательного анализа рабочих тетрадей и высказывания Степана Трофимовича, приведенного выше, пишет о том, что во время работы над романом Достоевский полностью пересматривает образ Базарова и отныне не замечает в нем ничего трагического, а лишь видит в нем «равнодушие, посредственность, впечатление чего-то маленького» [11, с. 14]. Мягче и точнее об этом же пишет Н. Ф. Буданова, которая признает многогранность личности Базарова и утверждает, что герой Тургенева типологически близок и Раскольникову, и Петру Верховенскому как олицетворению базаровщины [2, с. 63].

Несомненно, у Достоевского меняется отношение к нигилизму в целом, как и отношение к самому Тургеневу, пародийно изображенному в образе Кармазинова, хотя, конечно, Кармазинов – это не Тургенев, как и Фома Опискин – это не Гоголь. Но можем ли мы говорить о кардинальном изменении трактовки самого Базарова? Необходимо учитывать, что Степан Трофимович, называющий Базарова «смесью Ноздрева и Байрона», не есть сам автор, а герой, в лице которого Достоевский изобразил поколение «отцов» – либералов 40-х годов, к числу которых относится и Кармазинов, «талант средней руки» [6, с. 69]. Поэтому точка зрения старшего Верховенского не может рассматриваться как точка зрения самого Достоевского. В подготовительных романах, когда Степан Трофимович еще прямо именуется Грановским, Достоевский записывает: «Базаров написан человеком сороковых годов и без ломания, а стало быть, без нарушения правды человек сороковых годов не мог написать Базарова. – Чем же он изломан? – На пьедестал поставлен, тем и изломан» [7, с. 72]. Достоевский здесь потрясающе точно обозначает всю сложность ситуации, в которой создаются «Отцы и дети». Возлагая ответственность за появление в России нового типа нигилизма на либералов сороковых годов, Достоевский упрекает Тургенева в идеализации героя, но ни в коем случае не говорит о его карикатурности. Поэтому суетящийся, кривляющийся фигляр Петруша больше напоминает Ситникова, нежели самого Базарова.

Если в «Идиоте» роман «Отцы и дети» преломлен, идейно и художественно осмыслен в параллели Базаров – Терентьев, то тургеневские реминисценции в «Бесах» рассредоточены по всему тексту. Так, к примеру, Петруша издевательски разыгрывает Кармазинова и пугает его вероятностью пропажи рукописи повести «Merci», а также убеждает его, что известному писателю не следует бояться потерять один экземпляр, поскольку у него всегда множество списков: «...один за границей у нотариуса, другой в Петербурге, третий в Москве, потом в банк, что ли, отсылаете». «Но ведь и Москва сгореть может, а с ней моя рукопись» [6, с. 286], – парирует обеспокоенный Кармазинов. В контексте всего романа о разрушении и нигилистах реплика Кармазинова, в котором внимательный читатель должен угадать Тургенева, – это аллюзия к словам Базарова, что «от копейной свечи, вы знаете, Москва сгорела» [24, с. 52]. Так, Кармазинов, в образе которого пародируются взгляды и высказывания позднего Тургенева, цитирует героя, созданного его прототипом. Не случайно вспоминается блестящая статья Юрия Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)» [25], в которой

автор еще в 1921 году заявляет о том, что в сочинениях Достоевского много литературы и разговоров персонажей о литературе. Этот посыл развивает Л. И. Сараскина, называя «Бесы» «самым “литературным” романом» [17, с. 115], и тщательно разбирает образы сочинителей в романе. Действительно, в «Бесах» не только практически все значимые персонажи занимаются разного рода сочинительством или планируют им заняться, но и активно обсуждают русскую литературу, которую они превосходно знают. В том числе и роман Тургенева, который припоминается старшим Верховенским и Кармазиновым, а в дальнейшем и другими представителями поколения «отцов» – Варварой Петровной и Юлией Михайловной.

Вот еще один пример весьма значимой для постижения специфики функционирования тургеневского текста в «Бесах» аллюзии. В полемике с Базаровым Павел Петрович интересуется: «Мне сказывали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой. Рафаэля считают чуть не дураком, потому что это, мол, авторитет; а сами бесильны и бесплодны до гадости». На это Базаров возражает: «Рафаэль гроша медного не стоит» [24, с. 52]. В «Бесах» Варвара Петровна заявляет старшему Верховенскому, что теперь лишь «закоренелые старики» [6, с. 264] могут приходить в восторг от «Сикстинской Мадонны». Вторит ей губернаторша Юлия Михайловна, подкрепляющая свое разочарование картиной авторитетным отзывом Кармазинова и тем, что «теперь все ничего не находят, и русские и англичане. Всю эту славу старики прокричали» [Там же, с. 235]. Степан Трофимович не раз утверждает, что нет ничего выше и ценнее творений Шекспира и Рафаэля, что не могут быть «телеги, подвозящие хлеб всему человечеству», ценнее «Сикстинской Мадонны», что «Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества» [Там же, с. 372-373]. Хорошо известно, как ценил Достоевский творение Рафаэля, поэтому он не мог не заметить презрения Базарова к Рафаэлю, которое в «Бесах» станет модным и повсеместным явлением, грозящим скорой победой «шигалевщины». Но это не простые предположения и домыслы. В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский в статье «Запоздавшее нравоучение», в которой разъясняет не понятого некоторыми читателями «Приговора», письма вымышленного самоубийцы (отдельная тема – типологическая близость Ипполита Терентьева и «самоубийцы от скуки»), есть такой фрагмент: «Справедливое замечание, сделанное одним писателем еще несколько лет тому назад, что признаваться в непонимании некоторого рода вещей считалось прежде за стыд, потому что прямо свидетельствовало о тупости признающего, о невежестве его, о скудном развитии его ума и сердца, о слабости умственных способностей. Теперь же, напротив, весьма часто фраза “Я не понимаю этого” выговаривается почти с гордостью, по меньшей мере с важностью. Человек тотчас же как бы ставится этой фразой на пьедестал в глазах слушателей и, что еще комичнее, в своих собственных, нимало не стыдясь при этом дешевизны приобретенного пьедестала. Ныне слова “Я ничего не понимаю в Рафаэле” или “Я нарочно прочел всего Шекспира и, признаюсь, ровно ничего не нашел в нем особенного” – слова эти ныне могут быть даже приняты не только за признак глубокого ума, но даже за что-то доблестное, почти за нравственный подвиг» [10, с. 44]. В примечаниях к полному собранию сочинений комментаторы обходят стороной вопрос о том, какой же писатель имеется в виду. С уверенностью можно говорить, что Достоевский пишет о Тургеневе, авторе «Отцов и детей», и, перефразируя, цитирует Павла Петровича, который на реплику Базарова о том, что «Рафаэль гроша медного не стоит», возражает: «Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились. А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! – и дело в шляпе. Молодые люди обрадовались. И в самом деле, прежде они просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты» [24, с. 52]. Таким образом, высказывания о Рафаэле и «Сикстинской Мадонне» в «Бесах» однозначно являются реминисцентными по отношению к «Отцам и детям», что помогает доказать главка из «Дневника писателя».

Варвара Петровна, отрицающая ценность Рафаэля, заявляет пораженному Степану Трофимовичу, что «Сикстинская Мадонна» «ничему не служит», что «эта кружка полезна, потому что в нее можно влить воды; этот карандаш полезен, потому что им можно все записать» [6, с. 264]. Конечно, героиня, перевирая, повторяет идеи Базарова, который утверждал, что «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» [24, с. 28]. Она же критикует старого романтика Верховенского за любовь к восклицанию и восторженным речам и убеждает его в том, что «нынче это совсем не в моде. Они говорят грубо, но просто» [6, с. 263]. Конечно, читая эти слова, внимательный читатель сразу же вспоминает знаменитую реплику Базарова, обращенную к Аркадию: «...об одном прошу тебя: не говори красиво» [24, с. 122].

Приведенные примеры тургеневских реминисценций в «Бесах» доказывают, что в этом произведении «Отцы и дети» фигурируют как литературный текст, отлично знакомый героям романа Достоевского, а Базаров – как хорошо известный персонажам литературный герой. Важно отметить, что обращаются к тургеневскому роману не «мошенники от социализма», а «отцы» – Степан Трофимович Верховенский, Юлия Михайловна Лембке, Варвара Павловна и Кармазинов, поскольку именно они прекрасно знают этот роман и пытаются понять новое поколение через Базарова, что, по мнению Достоевского, ошибочно, поскольку новоявленные нигилисты не имеют ничего общего с «великим сердцем» трагического героя Тургенева.

Таким образом, можно говорить о двух совершенно разных видах рецепции образа Базарова в романах «Идиот» и «Бесы». Если в «Идиоте» Достоевский под влиянием силы и глубины сотворенного Тургеневым образа Евгения Базарова создает своего сложного и противоречивого, мыслящего и страдающего героя-бунтаря, в рассуждениях которого и в характеристиках его окружающими людьми можно обнаружить многочисленные скрытые цитаты из романа И. С. Тургенева. В «Бесах» тургеневские реминисценции и прямо высказываемые суждения персонажей о романе «Отцы и дети» выполняют совершенно иную функцию. Базаров необходим Достоевскому в качестве литературного образа для характеристики героев старшего

поколения, ложно понимающих революционеров нового толка как нигилистов базаровского типа, тогда как «бесы» и «бесенята» Достоевского не имеют ничего общего с героем Тургенева, а лишь отдаленно напоминают базаровского эпигона Ситникова.

В заключение скажем, что интерес к роману «Отцы и дети», как и к творчеству Тургенева в целом, не угас у Достоевского на протяжении всей жизни, несмотря на сложность и неоднозначность личных отношений.

Список источников

1. Батюто А. И. Признаки великого сердца (к истории восприятия Достоевским романа Тургенева «Отцы и дети») // Русская литература. 1977. № 2. С. 22-37.
2. Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л.: Наука, 1987. 197 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. Т. 5. 407 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. Т. 8. 511 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 9. 528 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 10. 520 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 11. 415 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. Т. 21. 551 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. Т. 22. 405 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. Т. 24. 518 с.
11. Дрыжкаева Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов // Достоевский: материалы и исследования / отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 3-29.
12. Кибальник С. А. «Дворянское гнездо» Тургенева как претекст романа Достоевского «Игрок» // Спасский вестник. 2013. № 21. С. 72-81.
13. Кибальник С. А. «Записки из Мертвого дома» Достоевского VS «Записки охотника» Тургенева // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 13-22.
14. Коньшев Е. М. Соотношение художественного и реального в «Записках охотника» Тургенева и в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 23-28.
15. Коньшев Е. М. Сравнительно-типологическое сопоставление романов Тургенева и Достоевского («Рудин» и «Бесы») // Спасский вестник. 2010. № 18. С. 54-60.
16. Курляндская Г. Б. Евгений Базаров – предшественник нигилистов Достоевского // Спасский вестник. 2000. № 7. С. 20-35.
17. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
18. Сарбаш Л. Н. «Безымянная Русь» в позднем творчестве И. С. Тургенева. К проблеме: Тургенев и Достоевский о судьбе и в судьбе России // Достоевский и современность: материалы X Международных старорусских чтений 1995 г. Старая Русса, 1996. С. 118-121.
19. Сарбаш Л. Н. Проблема человеческого «ничтожества» в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы IX Международных старорусских чтений 1994 г. Новгород, 1995. С. 160-163.
20. Страхов Н. Н. И. С. Тургенев. «Отцы и дети» // Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1986. С. 222-253.
21. Трофимова Т. Б. «Записки охотника» и «Записки из подполья» (к вопросу творческих взаимоотношений И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского) // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 29-33.
22. Трофимова Т. Б. Тургеневский подтекст в повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Спасский вестник. 2009. № 17. С. 62-68.
23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 18-ти т. М.: Наука, 1988. Т. 5. 640 с.
24. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 12-ти т. М.: Наука, 1981. Т. 7. 560 с.
25. Тынянов Ю. И. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. И. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198-226.
26. Тюнькин К. И. Базаров глазами Достоевского // Достоевский и его время / под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. С. 108-119.

**RECEPTION OF YEVGENY BAZAROV'S IMAGE
IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVELS "THE IDIOT" AND "DEMONS"**

Smyslova Olga Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Moscow Pedagogical State University
osmisl@rambler.ru

The article examines the reception of Yevgeny Bazarov's image in F. M. Dostoevsky's novels "The Idiot" and "Demons". Dostoevsky's letters, essays, "The Writer's Diary" and works of fiction contain numerous references to Turgenev's novel and Yevgeny Bazarov's image. Many research papers were dedicated to comparing Bazarov's and Raskolnikov's images but such problems as the direct influence of Turgenev's hero on the formation of Ippolit Terentyev's tragic image in "The Idiot" and the functions of the literary image of the 60s nihilist in "Demons" have not been previously studied.

Key words and phrases: F. M. Dostoevsky; I. S. Turgenev; "The Idiot"; "Demons"; "Fathers and Sons"; reception; Ippolit Terentyev; nihilist; Yevgeny Bazarov.